

Россия: социокультурные ограничения модернизации

Проблемы социокультурных ограничений модернизации в России давно находятся в центре внимания отечественных обществоведов. Недавно увидевшая свет монография **Александра Самойловича АХИЕЗЕРА, Игоря Моисеевича КЛЯМКИНА и Игоря Григорьевича ЯКОВЕНКО** "История России: конец или новое начало?" (М., 2005) вносит весомый вклад в анализ данной проблемы. Эти исследователи, при всем различии их подходов к теме, объединились в рассмотрении истории России с древнейших времен до наших дней, исследуя социокультурную подоплеку отношений общества к власти, вскрывая причины повторяющихся чередований державных взлетов и политических катастроф. Поэтому мы сочли важным обсудить с авторами монографии за "круглым столом" нашего журнала тему социокультурных ограничителей модернизации России в условиях современного глобального мира. В разговоре также приняли участие **Наталья Михайловна ПЛИСКЕВИЧ** и **Леонид Иосифович БЛЕХЕР**.

Н. М. Плискевич: Мне хотелось бы побеседовать с вами потому, что тема вашей книги - историко-социокультурный анализ развития российского общества от Киевской Руси до наших дней - является центральной темой отечественных обществоведческих исследований. Ибо от того, как она будет раскрыта, в каком контексте, каком ракурсе, какая трактовка этой темы возьмет верх в нашем обществе, по-моему, зависит многое в выборе страной вектора развития. Можно вспомнить и несколько непопулярного теперь классика, говорившего о том, что идея, овладевающая массами, становится материальной силой. В этом плане, мне кажется, эта книга во многом знаковая, показательная, и хотелось бы надеяться, что она внесет свой вклад в некоторые изменения общих подходов к истории России.

Основная ее идея состоит в том, что история России - не просто череда частных либерализаций с последующими откатами, каждый уровень либерализации после отката давал толчок для более глубокого либерального развития. "Речь идет о таком чередовании, в котором каждая последующая реформа шла дальше предыдущих. А это значит, что у русского либерализма была своя *история развития*, причем не только интеллектуальная, но и политическая" (с. 14). Такой подход, конечно, противостоит господствующим ныне концепциям, согласно которым наша история обречена на вечные круги, вечные повторения, а либерализм чужд нашему обществу, и если бывают какие-то либеральные всплески, то быстро затухают. Причем, как кажется, современная история дает и подтверждения этому тезису: мы наблюдаем, как советские реалии все больше и больше проступают в новом институциональном оформлении. Поэтому хотелось бы начать с характеристики нашего исторического пути: особая ли мы цивилизация, обречены ли мы на некий особый путь, а если нет, то что в нашей культуре мешает нам стать на последовательное осуществление либерально-демократических преобразований?

А. С. Ахиезер: Главное, на мой взгляд, состоит в том, что в России по-прежнему существует мощный пласт традиционализма. И вся история нашей страны не может быть по-

нятой без учета этого факта. Разумеется, такой пласт на том или ином историческом этапе существует в любом обществе. Для нас же сегодня этот факт не может не накладываться на общую проблему реформ: может ли Россия в условиях существования такого пласта пойти путем либеральной модернизации или этот путь нам заказан?

Очевидно, любой ответ на этот вопрос - положительный или отрицательный - не приведет к отказу от проведения реформ в критических ситуациях, то есть от попытки сдвигать страну и в ту и в другую сторону. Следовательно, вопрос переходит в такую плоскость: меняется ли толщина этого пласта традиционализма или она неизменна, зависят ли эти изменения от каких-то неизвестных нам сил или это результат чьей-то деятельности? Может быть - от деятельности реформатора, может быть - от деятельности власти, может быть - от деятельности всего населения, всего народа. Поскольку каждый человек - субъект культуры. Вот это - теоретическая и вместе с тем историческая проблема. В нашей книге показано сложное противоборство, известное взаимопроникновение и взаимоотталкивание между традиционализмом и какими-то иными культурами, прежде всего, конечно, либерализмом. Причем либерализмом не только и не столько как политическим течением, а как особым типом общественного развития.

Чем отличается либерализм от традиционализма? Очевидно тем, что в основе последнего лежит представление о ценности неизменности жизни, о ценности того, что можно сформулировать как идею "хотим жить, как жили наши деды". Этот идеал требует возврата к мифологическому идеалу, представляющему в сознании людей как некое воплощение утраченного общества благоденствия. Либерализм как тип культуры, сложившийся в истории, нацеливает на развитие и наращивание ценности изменений. Это прежде всего ценность саморазвития личности, это ценность свободы, но свободы - не как некоторого состояния, а как процесса развития свободы, ее наращивания. Конечно, в разных странах степень этого развития, степень напряженности движения к свободе может быть различной и может даже приобретать характер "бегства от свободы". Но самое главное, что это культура, в которую свобода включена в качестве ценности. Прежде всего это свобода самоизменения, отсутствие или ослабление господства страха перед внешними силами, осознание себя как высшей ценности, причем не только в данном конкретном состоянии, но и как носителя потенциала собственного развития.

Реформы, как они понимаются в современном мире, а отчасти, может быть, и в средние века, связаны с реализацией вот этой идеи свободы. В России же такого понимания свободы пока нет. Однако существует утилитаризм как промежуточный тип культуры между традиционализмом и либерализмом, который, в отличие от традиционализма, рассматривает способность человека к саморазвитию как ценность, хотя и в ограниченной области, как саморазвитие средств, необходимых для достижения поставленных целей. Такая картина, теоретическая модель в какой-то степени рассматривается в нашей книге.

Н. М. Плискевич: Ваши идеи о ценностях развитого утилитаризма, которые могут использоваться реформаторами для дальнейшего продвижения модернизации страны, известны и читателям нашего журнала по Вашим статьям, но возможно ли с очерченными тут особенностями культуры России двигаться к некоей либерально-демократической модели?

А. С. Ахнезер: Я думаю, это вопрос, который должен задавать каждый человек самому себе. Если у нас существуют все названные типы культуры, если они представлены в самосознании разных людей, то очевидно, что жизненно необходим диалог между традиционной, утилитарной и либеральной культурами. Развитие культуры, равно как и развитие личности, возможно только через диалог, что открывает путь к развитию либеральной культуры. Это не исключает возможность того, что традиционная культура возьмет реванш и восстановит свои ценности в масштабе общества. Кто победит, кто решит эту проблему, зависит вообще от возрастания способности людей вступать в диалог по поводу этих ценностей. Делать их предметом своего интеллекта, предметом своей деятельности, предметом решений, которые они принимают. От того, где будет большая часть населения, причем большая часть населения развитого, культурного, за-

висит судьба России. И нет никакой заданности того, что обязательно победит русская национальная идея в форме первобытной общины или обязательно возьмет верх либерализм с присущими ему институтами, диалогом на всех уровнях общества, тем, что в просторечии называют демократией, - такой предрешенности, я думаю, нет и быть не может. Весь этот комплекс проблем мы сами решаем для себя сегодня.

И. Г. Яковенко: Я начну с одной короткой реплики к тому, что Александр Самойлович сейчас говорил. "Русская традиционная культура, вступившая в диалог", перестает быть русской традиционной культурой, которая по природе своей монологична. Я говорю про народную, базовую культуру. Она претендует на абсолютную истину и не предполагает диалога как способа выяснения истины. Когда такую культуру затачивают в диалог, это значит, что она уже вступила на дорогу, ведущую к ее снятию, говоря гегелевским языком.

А теперь о теме нашего обсуждения. Вообще говоря, это проблема философская, то есть из класса тех проблем, на которые не может быть единственного ответа. Если в качестве исходного тезиса предположить, что Россия - отдельная цивилизация, то сама по себе такая исходная позиция ровно ничего нам не дает. В последние годы слово "цивилизация" активно используется в более или менее идеологизированных контекстах, не имеющих никакого отношения к цивилизационному анализу, к теории локальной цивилизации. Действительно, если существующие сегодня цивилизации расположить на шкале способности к динамике, то евро-атлантическая цивилизация займет место максимально к ней способной, а, скажем, исламская окажется на этой шкале в области минимально способных. Но из данного эмпирического наблюдения нет никаких жестких суждений относительно того, что будет завтра. Это означает лишь, что в догматику системы ислама еще не вошла динамика, и ему предстоит либо исчезнуть (подчеркиваю - исчезнуть как цивилизация), либо включить в себя императив динамики. Ибо я верю в императивность всемирно-исторического процесса, в глобализацию.

Можно говорить об отдельной российской цивилизации, и я утверждаю, что эта цивилизация в своем имманентном качестве к динамике не способна, она может развиваться экстенсивно. Но это означает всегo-навсего, что ей еще предстоят очень глубокие изменения структурного характера. Три века российской модернизации полностью исчерпали возможности экстенсивного роста. Крах советского проекта был обусловлен тем, что коммунистический строй так и не смог провести российское общество через порог, разделяющий экстенсивную и интенсивную стратегии исторического бытия. Сегодня перед российской цивилизацией стоит альтернатива: либо она исчезает, фрагментируется, распадается, сама эта территория разбирается соседними цивилизациями, а народ включается в другие циклы, то есть так или иначе включается в другую логику, либо она ассимилирует динамику, а значит, меняется качественно. Это очень существенный момент.

Действительно, пафос нашей книги состоит в том, что при всей цикличности происходит постоянное наращивание пространства свободы, идет и количественное, и качественное развитие. Как культуролог я занимаюсь цивилизациями и в то же время отдельным человеком. И я вижу, как наращивается человеческая субъектность. Вообще мы должны видеть в историческом процессе вектор развития. В этой связи я могу высказать одно весьма резкое суждение: переход, например, от коммунизма к фашизму есть прогрессивный переход, ибо фашизм принимает частную собственность. Поэтому фашистские режимы несут в себе некоторое ядро, которое через 30 - 40 лет делает их нормальными буржуазными демократиями, а, скажем, коммунизм, отвергающий частную собственность, развивается до полного samozагнивания, исчезая через 70 - 80 лет.

Анализируя историю России, мы видим, что это весьма нединамичная страна по имманентным характеристикам, но в то же время в XX в. тут кончился "традиционный человек". Величайшее достижение советской эпохи, коммунистического режима состояло в том, что он окончательно уничтожил традиционную русскую деревню. Источник имманентно-статичного человеческого материала кончился к 1970-м гг. Сегодня мы живем в ситуации, когда в обществе идет сложнейшая взаимоассимиляция разных призна-

ков и вырабатываются некоторые паллиации, то есть какие-то переходные состояния, которые заведомо более личностны, более динамичны, нежели те, что были 100, 50 или 30 лет назад.

Н. М. Плискевич: Здесь уместно вспомнить книгу А. Вишневого "Серп и рубль. Консервативная либерализация в СССР", где он показал, что урбанизированный советский человек - не тот человек, которого мы знаем по зарубежной урбанизации. Инструментальная модернизация осуществлялась у нас таким способом, что традиционный крестьянский мотив перешел на новую урбанистическую почву. И теперь тормозит движение в правильном направлении. Так что в новую эпоху мы вошли, не решив до конца задачи предыдущего этапа. И сегодня применительно к нашей ситуации нельзя не говорить и о теории зависимости от предшествующего развития.

И. Г. Яковенко: Вне всяких сомнений. Но при этом надо осознавать, что культурные качества, которые задают историческую статику, задавали общинность, растворенность человека в личностных связях, доличностная психология, могут воспроизводиться только в определенном контексте - информационном, социальном, технологическом. Все условия воспроизводства традиционализма исторически снимаются последние 200 лет, и очень интенсивно - последние 50 лет.

Н. М. Плискевич: Кстати, если вспомнить о теме коллективизма, а о русской цивилизации обычно говорят как о цивилизации коллективистской, в противовес либеральной как индивидуалистической, то последние годы все больше и больше убеждают: как раз с коллективизмом у нас в стране очень плохо. Именно в этом, в частности, проблема формирования гражданского общества, невозможности людям собраться, сорганизоваться "снизу". И, в частности, Г. Дилигенский хорошо показал, что в нашем обществе процветает агрессивный индивидуализм, который направлен на личное приспособление к окружающей действительности с полным пренебрежением к интересам окружающих, с невозможностью поступиться чем-то своим и объединиться ради каких-то коллективных целей.

И. М. Клямкин: Говорить о том, что в России никогда не было коллективизма, нелепо, потому что любой человек сошлется на общину, где были свои механизмы принятия решений и участия в каких-то общих делах, были механизмы взаимопомощи. Но дело в том, что за пределами общины этот коллективизм кончался. Он был местным, локальным коллективизмом малых общностей, изолированных друг от друга. И он был архаичным, исключая само понятие об индивидуальной свободе. Поэтому в городской среде он воспроизводиться не мог. Он, в принципе, не приспособлен к Большому обществу, если пользоваться терминологией Александра Самойловича.

Уже на рубеже XIX-XX вв. стало ясно, что крестьянин, выброшенный из сельской общины в город, становится атомизированным индивидом, к социальной самоорганизации не предрасположенным. Инерция же общинного коллективизма нередко проявлялась в повышенной склонности к созданию или пополнению локальных городских общностей криминального или полукриминального типа. Показательно, что городские рабочие - в подавляющем большинстве бывшие крестьяне - в начале XX в. поставляли около 30% осужденных за различные преступления. Доля же их в населении была несравнимо меньшей. Есть и другая цифра: уровень криминализации рабочих был в то время в 19(!) раз выше, чем среди крестьян-хлебопашцев.

Но дело не только в том, что общинный коллективизм не содержит культурных предпосылок для трансформации в добровольную коллективность за пределами общины. Дело еще и в том, что воспроизводимая им культура блокирует развитие понятия об *общем интересе* как интересе национальном, государственном. В своей потенции эта культура анархическая, что и проявилось наглядно в годы Гражданской войны. Славянофильская идея соборности вовсе не характеризует данный тип культуры. Она, скорее, фиксирует то, чего в этой культуре нет, идеологически компенсирует неразвитость в ней понятия об общем интересе.

Н. М. Плискевич: Нельзя забывать, что в советское время очень развиты были псевдоколлективистские формы, которые в общем работали также на отторжение у человека нормальных коллективистских реакций.

И. М. Клямкин: Советский коллективизм был "псевдо", потому что не был добровольной свободной самоорганизацией людей, а предписывался государством. Можно сказать, что он стал способом интеграции общинно-анархического человека в большое городское общество. Формирование отсутствовавшего в культуре понятия об общем интересе взяло на себя государство. Но оно при этом полностью монополизировало представительство этого интереса, транслируя его посредством административного и идеологического навязывания своих целеполаганий. То был общий интерес, лишавший самостоятельного статуса интересы частные и групповые. То был, можно сказать, "коллективизм" атомизированных индивидов, интегрированных в государственную целостность. Естественно, что с устранением советско-коммунистической государственной рамки мы под ней ничего, кроме атомизированных индивидов, не обнаружили.

Что мы имеем сегодня? Население с по-прежнему не развитым понятием об общем интересе и крайне слабой потребностью в общественной самоорганизации. Последняя предполагает высокий статус в культуре интереса *группового*, консолидирующего людей и превращающего их в гражданское общество. Этого у нас нет. Поэтому мы опять получили власть, которая стремится монополизировать представительство общего интереса, блокируя формирование тех групповых интересов, которые претендуют в данном отношении на конкуренцию с ней.

И. Г. Яковенко: Мы пребываем в мареве интеллигентских дискурсов, где господствует миф о коллективизме нашего общества. А реально - это атомизированное общество, где как раз горизонтальные связи возникают с огромным трудом. Но обобщая мое выступление, я скажу так: российский эксперт, отвечая на ваш вопрос и будучи человеком русской культуры, находится во внутреннем конфликте. Он, с одной стороны, порожден традицией, которая сидит внутри него, с другой - он порожден динамикой, развитием, эпохой, и эти компоненты его сознания внутренне противоречивы. Поэтому положительный ответ на вопрос о возможности России перейти от статики к динамике отрицает в таком эксперте некоторую его часть. Но давайте помнить, что так устроена история человечества: каждое новое поколение, новый этап отрицает предыдущий. И я твердо понимаю, что мне с моим прадедом было бы трудно найти общие дискурсы. Я в каком-то смысле с ним нахожусь в экзистенциальном барьере, мы вряд ли бы с ним договорились. То же самое будет с моими правнуками, и это нормально.

А. С. Ахизер: Я хотел бы уточнить: я говорил не о монологичности русской культуры по своей природе, а о господстве у нас монологической культуры. Это слово подразумевает, что есть какие-то альтернативы, которые находятся, возможно, в подавленном или зачаточном состоянии, а значит, открыт путь к дальнейшему развитию.

И. М. Клямкин: В отличие от Игоря Григорьевича и многих других, я не считаю, что в России сложилась какая-то особая цивилизация. Скорее, мы имеем здесь дело с неким неорганичным восточно-западным межцивилизационным гибридом, собственного качества лишенным. Цивилизационное качество предполагает наличие каких-то упорядочивающих общепринятых правил, распространяемых на всех, равно как и устоявшегося представления об общем интересе - представления, проявляющегося не только во время войн, но и в мирной жизни. Ничего этого в России не было, а были лишь отдельные цивилизационные проекты, ни один из которых стратегической жизнеспособности не обнаружил, и противоядием от описанных в нашей книге государственных катастроф не стал. Да и сами различия этих проектов, нередко взаимоисключающих, свидетельствуют именно об отсутствии устоявшегося цивилизационного качества.

Это отсутствие вуалировалось и вуалируется *российским великодержавием*. Но пора бы обратить внимание и на то, что великодержавие это достигалось именно тогда, когда происходила ревизия базовой компоненты любой цивилизационной идентичности, а именно - компоненты религиозной. Если, как принято считать, в основе российской цивилизации - православие, придется признать: наиболее заметные прорывы к великодер-

жавному статусу страна осуществила именно тогда, когда этой основой пренебрегала. Военно-технологическая модернизация Петра I проводилась государством, превращенным Петром в светское, а аналогичная модернизация во времена И. Сталина - государством атеистическим. Получается, что великодержавные прорывы осуществлялись вопреки цивилизационной идентичности. Если же мы возьмемся утверждать обратное, то придется отвечать на вопрос: какое отношение имеет к ней православие? Не думаю, что ответить на него так уж просто.

На мой взгляд, своеобразие российской державности в том-то и заключается, что она заменила цивилизационную идентичность и компенсировала ее отсутствие. Державная же мощь была обретена в результате того, что послемонгольская Московия нащупала оригинальный способ государственного существования и развития - *милитаризацию повседневного жизненного уклада*, на что обращали внимание историки самых разных направлений. Либерал В. Ключевский писал о "боевом строе государства" в Московской Руси, а евразиец Н. Алексеев - о том, что оно имело характер военного общества, "построенного как большая армия".

Речь идет не просто о понимании милитаризма как выделения больших средств на армию и вооружения, не только о так называемом гражданском милитаризме, предполагающем доминирование в массовом сознании образа внешнего врага и предощущение войны с ним. Все это в разное время имело место в разных странах, в том числе и западных. У нас же налицо именно милитаризация повседневности, то есть выстраивание *мирной жизни по военному образцу*. В результате формировалась особая культура, в которой ценности военной и мирной жизни не расчленены. Ее аналогом и истоком является культура родоплеменная, но в постоянно воевавшей Московии она была приспособлена к нуждам государства и стала государственной. Она-то и позволила впоследствии Петру I осуществить уникальную для своего времени принудительную милитаристскую модернизацию.

Славянофилы в свое время правильно указали на негосударственный, неполитический характер русской народной культуры. Но они не заметили, что она была *догосударственной* и *дополитической*. Не заметили они и того, что в ней ценностно не отчленились друг от друга военная и мирная составляющие. Но после советского эксперимента не замечать это - значит закрывать глаза на очевидное.

Советский период - та точка, с которой хорошо просматривается и многое из того, что было характерно для предшествовавших периодов. Вспомним об "осажденной крепости" и других особенностях политико-идеологической лексики советской эпохи, обо всех этих "штурмах", "наступлениях", "отступлениях", "фронтах", не говоря уже о всепроникающей "борьбе", об искусственно насаждавшемся образе врага и культе секретности. Вспомним, что даже достижения в труде поощрялись на военный манер - "медаль за бой, медаль за труд из одного металла льют". Вспомним, наконец, о "солдатах партии" и о том, что сама партия во всех редакциях своего устава именовала себя *боевой* организацией...

Н. М. Плискевич: Кстати, в записных книжках М. Цветаева отмечает симптоматичную оговорку: французский лозунг "Patrie avant tout" ("Родина прежде всего") в русских газетах был напечатан как "Partie avant tout" ("Партия прежде всего"). "Роковая опечатка!" - замечает Цветаева. И это - 1918 г.!

И. М. Клямкин: Это больше относится к вопросу о сакрализации партии. Я же говорю о том, почему она могла быть сакрализована. Потому, что в культуре не были расчленены в ценностном отношении военная и мирная составляющие. И здесь я должен уточнить то, что говорил о неразвитости в ней понятия об общем интересе. Речь идет о неразвитости именно *невоенного* понятия о нем, между тем как военное имело место. Такая дополитическая по своей природе культура беззащитна перед государственным произволом, апеллирующим к военным угрозам, и тяготеет к его оправданию, в частности моральному. То есть в ней нет противоядия против милитаризации жизненного уклада и политической альтернативы ей.

Но ведь эту культуру насадили не большевики. Да, они использовали ее так, как никто до них, но это не значит, что до них она не использовалась. Взгляд на советскую историю с советской точки обзора как раз и позволяет осмыслить эту историю несколько иначе, чем это обычно делается. Он позволяет констатировать, что ко времени большевистского переворота Россия успела пройти длинные циклы милитаризации и постепенной демилитаризации жизненного уклада. Можно сказать, что это был долгий, зигзагообразный путь к невоенному понятию об общем интересе. Но дополитическая культура крестьянского большинства к этому оказалась не приспособленной, а трансформировать ее так и не удалось. В результате - исторический срыв и, как следствие, новый виток милитаризации, более глубокий, чем когда-либо раньше.

Где же мы находимся сейчас и что ждет страну в обозримом будущем? Учитывая многообразные внутренние и внешние вызовы, с которыми она столкнулась, логично, вроде бы, предположить вхождение в новый цикл милитаризации. Однако в современных условиях она немыслима. Старая дополитическая (милитаристская) культура была изжита народным большинством еще при советской власти. Но если бы она даже сохранялась, то использовать ее для решения стоящих перед страной стратегических задач в постиндустриальную эпоху невозможно. Однако обществом не освоена и современная политическая культура; военное понятие об общем интересе в нем уже размыто, его самодовлеющая консолидирующая роль исчерпана, а невоенное еще не выработано.

К сожалению, российская власть и российская элита вместо того, чтобы озаботиться развитием субъектности общества, без чего стратегические проблемы страны не решаемы, озабочены блокированием этой и без того слабой субъектности. А для консолидации населения вокруг власти и легитимации ее архаичных патриархальных форм используется инерция дополитического милитаристского сознания. Отсюда - бесконечные апелляции к победе в Великой Отечественной войне и использование любого повода, чтобы о ней напомнить; отсюда - ритуальные полеты главы государства на военных самолетах и его визиты на подводные лодки; отсюда же - антизападническая вакханалия в СМИ, причем в ситуации, когда лидеры России вместе с лидерами "враждебного" Запада заседают в "восьмерке".

Похоже, однако, что инерционный ресурс милитаристской культуры В. Путин вычерпал до дна. Потому так обеспокоены кремлевские политологи тем, чтобы сохранить его политическое влияние до 2008 г. Другого персонификатора милитаристской традиции может уже не найтись в силу исчерпанности консолидирующего ресурса самой этой традиции.

И. Г. Яковенко: Игорь Моисеевич говорил о советском цикле милитаризации. Он был возможен только в контексте эсхатологического горения на коммунистической идеологии. Ресурс эсхатологии исчерпан, Россия вступила в секулярную эпоху. Это может нравиться или не нравиться, но второго такого цикла не сделаешь. Поэтому любые патриотические попытки не могут заполнить образовавшегося вакуума. Необходимы другие мотивации, другие идейные конструкции; старые уже работать не могут. Православие как генеральный интегратор кончилось, а коммунизм - тем более.

А. С. Ахизер: По поводу милитаризации я хочу сказать, что Киевская Русь дает определенный материал для продления этой концепции назад, от Московской Руси. Потому что приход варягов означал попытку просто грабить страну, это из летописи видно. И поскольку у варягов не было привязанности к единому этносу, они брали в свои дружины и тех мужиков из племен, которые хотели этого, которые были способны к такой деятельности, и в частности забирали к себе племенные верхушки. И делали из таких мужиков варягов. То есть вообще эта милитаризация варяжского типа. Война с племенами была постоянным состоянием этого государства. У нас об этом не очень принято писать, но тем не менее это так.

Теперь второе замечание, насчет цивилизаций. Во-первых, я неоднократно говорил, что вообще цивилизация - понятие несколько условное. Это некоторая общность, не очень ясная, не поддающаяся твердым определениям, поэтому тут трудно занимать жесткую позицию. Я, например, считаю, что у нас нет достаточно сильных культурных

интеграторов для развития цивилизации. Но при этом есть проблема, есть стремление к интеграции, есть стремление к единству, значит, есть какая-то цивилизационная ценность. Пусть она не реализована или плохо реализована, или вообще не будет реализована, тем не менее допустимо говорить о такой возможности. И это очень важно, поскольку мы можем тогда сравнивать историю России с опытом других цивилизаций. Когда я пишу о российской цивилизации, я всегда отмечаю, что ее специфика в расколотости (о чем, кстати, недавно писал бывший глава Совета Федерации Е. Строев). Это мнение не противоречит отрицанию цивилизации Игорем Моисеевичем. У нас просто разногласия чисто словесного характера.

И. М. Клямкин: Ты так жестко не пишешь про российскую цивилизацию.

И. Г. Яковенко: Жестко пишу я, но я как раз в полемику вступать не хочу. Дело в том, что индийская цивилизация, если мы попробуем ее интеграторы перечислить, тоже очень сложная. Есть так называемые монотеистические цивилизации - христианство, ислам, а есть цивилизации, в которых существует сеть отношений - китайская, индийская. Там выявить систематизирующие элементы очень трудно. Но все же я склонен полагать, что российская цивилизация существует, и согласен с Александром Самойловичем, что особенно упираться в эту проблему не слишком продуктивно. Цивилизация - способ понимания реальности. Вот мне так понимать мир легко и интересно, а кто-то может видеть его по-другому. Здесь в конце концов проблема онтологического статуса цивилизации не так важна.

И. М. Клямкин: Если она лишена онтологического статуса, то спорить, в общем-то, не о чем. Мои аргументы направлены против традиционалистов, для которых онтологический статус "русской православной цивилизации" несомненен. Но какой смысл тогда терминологически с ними смыкаться? Да и не очень понятно, что есть в таком случае сама реальность, которая интерпретируется с помощью такого "способа понимания реальности".

Л. Б. Блехер: Я хотел бы вернуться в нашем обсуждении немного назад и уточнить тезис о псевдоколлективистских формах, чем они отличаются от коллективистских?

И. М. Клямкин: Этот сюжет был предложен Натальей Михайловной, но так как я по нему высказывался, то попробую ответить. Под псевдоколлективизмом я имел в виду прежде всего советский феномен. Он существенно отличался не только от добровольных личностных коллективностей западного типа, но и от традиционной общинной коллективности. Нередко советский коллективизм рассматривают как ее преемника, но это не так. Напомню, кстати, что большевистские лидеры видели в крестьянине носителя не коллективистского, а индивидуалистического (мелкобуржуазного) начала, которого еще только предстояло "коллективизировать". Советский коллективизм, повторю, был государственным. И он был "псевдо", потому что все целеполагания всем советским трудовым и прочим коллективам задавались извне с предписанным условием "единодушного одобрения". Степень автономии старой сельской общины была несопоставимо выше, и советской власти потребовалось целое десятилетие, чтобы ее обуздать.

Но псевдоколлективные формы, хотя и иного рода, можно обнаружить и в досоветской истории. В Московии, скажем, существовал аналог того, что мы называем местным самоуправлением. И были периоды (например, в первые годы правления Ивана Грозного), когда выборные институты на местах наделялись широкими полномочиями. Но то не было самоуправлением в строгом смысле слова, ибо эти институты не имели финансовой самостоятельности (право устанавливать местные налоги они получили только при Александре II). Как показал еще Ключевский, это были выборные органы, решавшие не столько местные, сколько общегосударственные административные задачи, компенсируя дефицит чиновничества.

Так что принцип коллективности мог использоваться и для обслуживания общего интереса, но при этом будучи вмонтирован в самодержавную "вертикаль власти". Автономная от нее самоорганизация населения исключалась. Показательно, однако, что в случаях, когда государство обнаруживало неспособность воплощать общий интерес в его *военном* измерении, русский социум обнаруживал готовность взять эту функцию на

себя. Иными словами, потенциалом военной самоорганизации в военное время он (точнее - отдельные его группы) обладал, вспомним годы первой русской Смуты, после войны 1812 г. и после Великой Отечественной. И это было не трудно именно потому, что на представительство общего интереса в условиях мира русский социум никогда не претендовал.

Н. М. Плискевич: Я бы хотела затронуть еще одну большую тему, мимо которой нельзя пройти, рассматривая наше настоящее и перспективы дальнейшего развития. Это степень открытости России миру. То есть если раньше, в предыдущие периоды отечественной истории страна была в основном закрыта для мира, то сейчас мы все-таки входим в мировую экономику, мы вошли в эпоху Интернета. Пусть "Интернет в каждой избе" - пока проблематично, но Интернет в маленьком городе - это уже реальность. То есть можно говорить о том, что последняя классическая замкнутая наша система - это период "железного занавеса". Но мы знаем: как только некие элементы "железного занавеса" стали раскрываться, это привело к постепенной эрозии системы. В 1960-е гг. мы стали закупать продовольствие, а потом интенсивно продавать нефть, то есть уже тогда вошли в мировую экономику и стали зависеть от мирового рынка.

Е. Гайдар в "Гибели империи" прекрасно показал, как изменение конъюнктуры рынка привело к естественному крушению советской модели экономики. Что мы имеем сейчас с этой точки зрения? С одной стороны, мы в данный момент имеем ту самую экономическую конъюнктуру, прежде всего касающуюся энергоносителей, металлов и товаров нашего традиционного экспорта, которая способствует тенденции укрепления "вертикали власти" и дает этой "вертикали" материальные ресурсы для поддержания той стабильности, о которой постоянно говорят, а с другой - имеется открытая связь с Западом. То есть мы имеем распространение неких стандартов западного образа жизни, пусть одни их отрицают, другие - приветствуют, но это распространение, благодаря средствам массовой информации, прежде всего телевидению, касается практически каждого дома. Ведь телевидение показывает не только "старые песни о главном", но и западные фильмы, и эти стандарты западного образа жизни проникают повсюду. Кроме того, можно говорить о внедрении элементов деловой культуры во все большие и большие трудовые коллективы, переходящие на работу в смежных предприятиях, куда приходят менеджеры с Запада. Можно вспомнить, например, об О. Дерипаске, купившем Горьковский автозавод и пригласившем туда японских менеджеров, которые стали внедрять японские стандарты работы. То есть происходит изменение нашей деловой культуры на самом что ни на есть микроуровне, на рабочих местах.

И тут возникает вопрос: каковы наши перспективы в связи с этой новой для нас ситуацией открытости миру? На мой взгляд, произошла парадоксальная вещь: в стране идут процессы новой институционализации системы "власти-собственности", строительства "властной вертикали", укрепления государства. Об этом говорят как о достижениях в течение всех восьми лет президентства Путина. Но в то же время многие исследователи, разбирая разные ипостаси нашего государства, отмечают, что эта самая "властная вертикаль" 2000-х гг. ничуть не прибавила в эффективности по сравнению с хаосом 1990-х гг. Мы видим и дальнейшее разложение армии, и качественный рост коррупции, который произошел в последнее время. Как все это объединить?

И. Г. Яковенко: Это очень интересные темы, я над ними годами размышляю. Во-первых, отгораживание - абсолютно необходимое условие для воспроизводства российского традиционного мира. Та сущность, которая здесь воспроизводилась до 1991 г., могла существовать только в изоляции. И до 1917 г. Россия была в той или иной степени отгорожена от мира. Это - необходимое условие. Во-вторых, ресурсы отгораживания не только в России, но и во всем мире, полностью исчерпаны. На самом деле есть два уровня: уровень технологический и уровень культурный. Если человек безграмотный и не имеет потребности "сидеть в Интернете", то даже если Интернет появится рядом с его домом, ничего не изменится. Но мы видим процесс: русский крестьянин и рабочий научились читать газету и у них возникла другая культура, они снимали культурный барьер. Сегодня мы живем в обществе, которое в своей массе имеет культурную потреб-

ность включаться в мировой контекст. Это население включено в огромную машину культурно-престижного потребления. Массовому человеку интересны модные вещи, модные песни, модные клипы, он во все это включен.

Что касается западного стандарта, то он ведь и Советский Союз разрушил. Вспомним 1960-е гг. - валютные магазины, люди ходили на французские и итальянские фильмы, выпитывали реалии, мечтали жить, как на Западе. Все это происходило на наших глазах. То есть само включение людей в западные стандарты, включение идеальное (они знали, как там, но эта жизнь была недостижима) и включение физическое, по мере возможности - объективный процесс очень большой инерции. Я просто хочу, чтобы мы это понимали. Этот процесс идет уже полвека. За последние 15 лет в России, по моим подсчетам, примерно на полтора порядка выросло число людей, которые хоть на каком-то бытовом уровне могут говорить по-английски. А это некий порог, когда меняется качество. До революции количество людей, знающих языки, то есть не имеющих языкового барьера с лидирующей мировой культурой, задавалось количеством гимназистов и исчислялось по всей стране десятками, максимум - несколькими сотнями, тысяч человек. А сегодня людей, пусть плохо говорящих по-английски, - уже миллионы. Этот качественный переход - люди освоили компьютер, худо-бедно что-то могут понять по-английски - говорит нам о том, что перейден порог невозврата. Кроме того, современные технологии по своей природе не позволяют ограничить человека в информации. СССР мог существовать только до тех пор, пока ксерокс находился за дверью с железным замком под контролем особиста. В стране, где есть Интернет, где на CD-rom можно положить информацию, равную двадцати Британским энциклопедиям, контроль над информацией принципиально невозможен. Это все беспрецедентно, и власть в принципе не знает, каким образом она могла бы что-то в этой ситуации сделать, как-то себя соотнести с изменившимся качеством идущих процессов. Так, упомянутая вами хаотизация связана с тем, что государственные структуры по своим качественным характеристикам не соответствуют качественному состоянию общества. Они не адекватны этому обществу. Государство структурно старое, а общество уже, как минимум, на четверть новое.

Н. М. Плискевич: Но оно не адекватно и тем задачам, которые ставит перед собой...

И. Г. Яковенко: В том-то и дело, что оно ставит старые задачи: взять под контроль, создать "вертикаль" и вроде бы все правильно сделали, выстроили "вертикаль", а хаос нарастает. Происходит это потому, что, как говорил В. Ленин, "верхи" не могут уже по-старому управлять; не могут, не получается, а по-новому - не способны. То есть парадигматика верхов, работающих в старой парадигме, принципиально не адекватна новой реальности. В этом отношении мы сталкиваемся с темой кризиса "верхов": они не знают, как быть в информационном обществе. Это не только наша проблема: взорвался исламский мир, мы просто видим взрыв его на информационной свободе, он не может с ней ужиться. Эта проблема надвигается на Китай, где очень серьезные проблемы с Интернетом. Растет поколение, формирующееся в условиях информационной свободы, оно будет совершенно другим. Мы себе не очень представляем те характеристики реальности, которые возобладают буквально в ближайшие десять лет.

А. С. Ахизер: Все, что говорил Яковенко, наверное, правильно, спорить с этим невозможно. Но можно о современной России сказать и все наоборот. Я сам наблюдаю часто в очень образованных кругах, у людей, прекрасно ориентирующихся в современном информационном мире, совершенно не мотивированные и яростные всплески ксенофобии, антиамериканизма. И их глубокая убежденность в том, скажем, что все наши беды - от происков Америки, держится на какой-то очень тонкой психологической пленке. Они так живут и жить иначе не могут. Часто у них уровень благосостояния такой, какой, наверное, никому из нас с вами не снился. Они пропитаны как раз американской культурой - технической и потребительской. То есть они этого не рефлексируют, но погружены в результаты американского развития, и вообще весь мир погружен в него. Но эти люди строят оборону.

Есть закон, выведенный на основе анализа сект: чем неблагоприятнее общая ситуация для секты, чем меньше ее adeptов, тем сильнее ядро, которое там складывается. И

это ядро - люди, которые пойдут на смерть ради "своего". Кстати, террористы как раз действуют по этим принципам. Поэтому самое опасное для социальной науки - переоценивать значение неких действительно идущих процессов. Такие процессы шли и раньше, но идут и другие процессы. И в результате там, где раньше люди сосуществовали, они начинают если не браться за оружие, то резко активизировать свои ценности. И происходит усиление раскола общества, который может привести к самым различным последствиям от сочетания разных факторов, вплоть до гражданской войны. Этот процесс мы не можем игнорировать.

Я начал сегодняшний разговор с того, что напомнил о пласте традиционализма. Да, он разлагается, и утилитаризм его съедает. Но традиционализм на каких-то флангах крепнет и не сдает своих позиций. И по телевизору молодые ведущие транслируют некий традиционалистско-американский стиль. Поэтому если говорить о картине общества, то она раздвоена, расколота, и куда качнется большинство общества - мы не знаем.

В чем загадка и вообще, если хотите знать, проблема, которую мы сегодня обсуждаем? Действительно, есть процесс развития, кто спорит с этим. Но есть и другой, противоположный, процесс. И не разорвет ли это страну на две части, которые вцепятся друг другу в горло? Причем самое интересное, что это будут люди, которых я знаю и с которыми мог бы рассчитывать на какое-то взаимопонимание. Традиционализм, по-видимому, везде очень силен, от него трудно отвыкнуть, а в России тем более. Это держится очень долго, и поэтому здесь лежит та проблема, которую мы должны анализировать. Как вообще такое общество, во-первых, может существовать? Сам этот факт очень странен (ведь оно не может существовать теоретически, потому что оно в каждой точке разрывается на две части по крайней мере). Во-вторых, как мы можем в нем жить, как мы можем с этими людьми находить общий язык по вопросам, от которых зависит судьба государства? А раз нельзя разговаривать, то тогда нельзя бизнесом заниматься, поскольку у нас нет общей платформы. И тогда государство не может проводить реформы.

И. Г. Яковенко: Александр Самойлович, ты ведь говоришь следующее: есть историческая инерция, есть качественная определенность объекта, и "иже не преи́деши этого порога". Все эти вещи, которые сами себя воспроизводят, заданы культурологически на бесконечное самовоспроизводство, они системны внутри себя, поэтому любые попытки их социально, политически раздвинуть невозможны. Я с этим отчасти согласен: любая культура сама в себе программирована на постоянное самовоспроизводство, но рядом с ней происходит рождение инноваций, захватывающее каких-то людей, рождаются паллиативные формы. В результате формируется другая культура и живет рядом с первой, конкурирует с ней за людей. Каждый определяет, кто он: по преимуществу традиционалист или по преимуществу человек, ориентированный на модернизацию. И постепенно одна культура вытесняет другую, которая отживает, отходит.

А. С. Ахизер: Я согласен с тем, что ты сказал. Мы работаем сейчас с абстрактными моделями. В этом смысле мы оба правы. А весь вопрос заключается в том, как эту модель - твою, мою, иную - "подкрутить" и довести до российской конкретности.

И. Г. Яковенко: Это безумно важная проблема, и как в такой ситуации вести себя власти? Мы живем в России, где власть, начиная с Петра I, всегда балансирует: она порождает модернизированный сектор, но в нем рождается динамика, революционный радикализм, и тогда она опирается на консервативный сектор - на патриархальную общину, на "простого советского человека". И в этом балансировании наша власть всегда существовала. Я утверждаю, что возможность такого рода стратегии исчерпана. Дальнейшая опора на наименее модернизированный, наиболее патриархальный, наиболее консервативный сектор не только стратегически бесперспективна, она уже не имеет возможности на тактическом ресурсе. Власть стоит перед дилеммой: либо она начинает опираться на модернизированный сектор общества и тогда встает на путь самоизменения, запускает процесс очень болезненных реформ в себе самой, занимается тем, что совместными усилиями маргинализует традиционалистов, выдавливает их, объявляет

их не солью земли, а той частью, которая должна уйти исторически (пусть с пенсиями, с почетом, но уйти). Либо она и дальше балансирует и тогда сама уходит прямиком в историческое небытие. Будет то, о чем говорил Ахиезер: две России столкнутся, и это не кончится ничем хорошим для России как таковой. Ни для той, ни для другой.

А. С. Ахиезер: Я с тобой согласен, но только на деле власть все время балансирует. Она не может не балансировать, поскольку берет эти две сущности, о которых мы говорим, и постоянно держит их, пытается обе удержать. Это политика российской власти, и другой она вести не может. Но в этом есть опасность потерять равновесие.

И. Г. Клямкин: Данный спор, по-моему, очень важен именно в контексте отечественной истории. Ведь основной пафос нашей книги заключается в том, что у этой истории, как и любой другой, нет изначально заданной сущности, которая в различных формах воспроизводится из века в век. Поэтому любые понятия, призванные эту непреходящую сущность зафиксировать, будь то "русская система", "вотчинное государство", "ресурсное государство", "раздаточная экономика" или "социокультурный раскол", могут служить лишь самыми общими познавательными ориентирами. Меняются не просто формы проявления одного и того же. Мы попытались показать, что в границах первичной государственной матрицы при интеграции в нее элементов других общественных систем происходит эволюция самой этой матрицы, осуществляется ее самоизменение. И я очень рад, что Наталья Михайловна в начале нашей беседы обратила внимание именно на этот ключевой тезис нашей книги.

Да, есть раскол между традиционалистами и сторонниками модернизации. Но ведь сегодня он совсем не такой, как столетие назад. Тогда был раскол между либерально-модернистским меньшинством и традиционалистским большинством, опираясь на которое пришли к власти антилиберальные модернисты - большевики. Само же это большинство никакой самостоятельной исторической альтернативы либерально-демократическому проекту не представляло. Но его можно было использовать, ибо оно оставалось носителем дополитической милитаристской культуры. Есть ли сегодня носитель такой культуры? Я его не вижу. Есть ли претенденты на роль модернизаторов большевистского типа? Таковых тоже не видно. Так что сегодня правомерно говорить о традиционализме как препятствии на пути модернизации, а не как о культурной почве, позволяющей проводить модернизацию петровско-сталинского типа, альтернативную либеральной.

А. С. Ахиезер: Коммунистами была предложена в начале XX в. альтернатива, только она абсолютно не функциональна. Они предложили "Советы" - старый вечевой институт, способный функционировать лишь в узком кругу лично знающих друг друга людей. Поэтому реально советы ни одного дня не работали. Между тем советская власть у нас 74 года сидела. Как это понять? 74 года советской власти, которой вообще НЕ БЫЛО.

И. М. Клямкин: Мы говорим о разных вещах. Я говорю о том, что советская власть, как она ни была устроена и как бы ни камуфлировала свою суть, оказалась реальной модернизационной альтернативой, эксплуатировавшей определенные социокультурные особенности населения. Сейчас же такой альтернативы нет. И в традиционалистском сегменте нынешней элиты я ее не вижу. Вопрос о том, как проводить модернизацию, как создавать инновационную среду, которая при прежних наших модернизациях не возникала и без которой современная модернизация невозможна в принципе, а в этом сегменте даже не ставится.

Н. М. Плискевич: Просто индустриальное общество еще допускало их принципы модернизации, а постиндустриальное общество требует иных подходов.

И. М. Клямкин: Да, и традиционалисты здесь ничего предложить не могут.

А. С. Ахиезер: Дело не в том, могут они что-то предложить или нет, у них для этого было достаточно времени, в конце концов советский проект - тоже такая попытка с их стороны. Проблема в том, что широкие массы ведут себя так, будто такой проект есть или должен быть. Вот в чем проблема.

Н. М. Плискевич: Но если традиционалисты придумывают что-то принципиально новое, это значит, они отрицают самих себя как традиционалистов.

И. М. Клямкин: Широкие массы хотят, чтобы был приемлемый для них проект, - это так. Но кто сказал, что приемлемое для них так уж не совместимо с задачами модернизации? Главная из этих задач, насколько я понимаю, создание правового государства. Можно ли утверждать, что массы против? Нельзя. Они не приемлют коррупцию, им не нравится наша элита - подавляющее большинство населения, судя по данным опросов, считает, что она погрязла в воровстве...

А. С. Ахизер: Массы тоже воруют, между прочим.

И. М. Клямкин: У масс возможностей воровать несопоставимо меньше, и природа воровства у них иная, чем у властной элиты. Власть у нас, как и раньше, устроена так, что пребывание в ней позволяет безнаказанно воровать. И пока это так, главной проблемой российской модернизации будет оставаться модернизация государства. Элита ворует не потому, что воруют массы. А обратное утверждение содержит в себе зерно истины. Известное изречение о рыбе, гниющей с головы, придумано для характеристики происходящего в обществе. Да, гниение добирается до хвоста, то есть до "низов", но начинается с власти и элиты, которые свое самопопустительство в беззаконии легитимируют определенным попустительством по отношению к "низам", позволяя им, как в брежневские времена, быть, скажем, "несунами". Но не в "низах" надо искать причины коррумпированности брежневской системы, равно как и нынешней.

Так что я согласен с Игорем Григорьевичем в том, что главным блокиратором модернизации является российская элита. Что касается народа, то в его социокультурных особенностях нет никаких противопоказаний против трансформации российского государства в правовое. В 1917 г. это было не так, а сегодня именно так. И если уж говорить о традиционализме, то подразумевать под ним надо прежде всего традиционализм элиты, которая, как сказала бы Т. Кутковец, способна управлять только обществом-объектом и не предрасположена к освоению правовых принципов и практик.

Проблема же народа не в том, что он является источником этого, а в том, что не в состоянии этому противостоять. Его культура уже не милитаристская, но еще и не политическая, предполагающая и развитую правовую компоненту. И наша элита делает все, чтобы законсервировать его в таком межумочном состоянии посредством будирования инерции милитаристского сознания, дабы не дать ему угаснуть окончательно.

Таким образом властям удалось подчинить себе процедуру выборов, так стал возможен феномен Путина. Но тут есть еще одна проблема, связанная с особенностями становления нашей демократии. Люди не понимают, как она соотносится с их интересами. И дело тут не только в том, что мы находимся в начале пути. В странах, которые двинулись по нему раньше нас, и изначально было не так.

В Англии, к примеру, еще в середине XIX в. право голосовать имели менее 5% населения. Но те, кто был в политических правах ограничен, за эти права боролись, отдавая себе ясный отчет в том, зачем они им нужны. Они понимали, что, получив их, они смогут провести в парламент своих представителей, которые станут инициировать принятие законов, отвечающих их интересам. И они ясно представляли себе, какие законы им нужны и как они с их интересами соотносятся.

У нас же люди получили всеобщее избирательное право сразу, но какая связь между голосованием на выборах и их повседневной жизнью, они не понимают. А властная элита делает все возможное, чтобы такое понимание не пришло, прежде всего посредством недопущения реальной политической конкуренции. Да, противостоять этому население не готово, но отсюда не следует, что народ "не готов к демократии".

Каковы сегодня ориентации нашего населения? По разным опросам, примерно треть ориентируется на западные экономические и политические стандарты, примерно треть - "самобытников" и треть колеблется в ту или другую сторону. Такой социальной базы для политической модернизации в России никогда не было. Но элита блокирует реализацию этого потенциала, пользуясь тем, что альтернатива ее способу правления в обществе не вызрела. Однако при отсутствии опыта жизни в демократически-правовом государстве она и не могла вызреть.

В 1990-е гг., как бы к ним ни относиться, накопление такого опыта происходило. Теперь этот процесс свернут. Но в истории подспудно всегда что-то накапливается, причем не только благодаря, но и вопреки действиям и установкам властей. Например, советская власть создавала предпосылки своего самоотрицания, развивая народное образование и осуществляя урбанизацию. Что же накапливается сейчас?

Накапливается ли, скажем, осознание того, что при нынешнем государственном устройстве не может быть возникновения инновационной среды? Не знаю. Можно ли утверждать, что работа японских менеджеров на Горьковском автозаводе и многое другое, о чем говорила Наталья Михайловна, способствует накоплению стратегического потенциала страны? Хорошо бы, если так. Формируется ли среди тех, кто нынешними порядками недоволен, представление о связи их недовольства с недемократичностью государственной системы и ее архаичностью? Ведь рано или поздно эта система выявит свою несостоятельность. И вопрос в том, с чем мы к этому моменту подойдем, с каким опытом и с какими массовыми установками.

Н. М. Плискевич: И от этого будет зависеть качество протеста, будет ли это некий архаический, так сказать, национал-патриотический протест или протест, направленный на модернизацию.

И. М. Клямкин: При имитационной демократии может накапливаться как протест против имитации, так и против того, что имитируется, то есть против самой демократии. Ясно, что у нас под формально-демократическим облачением сложилась какая-то разновидность авторитарного режима, которая, в отличие от некоторых прежних его разновидностей, модернизаторским потенциалом не обладает. Потому что государство в современную эпоху быть монопольным субъектом модернизации уже не может, а самостоятельно действовать другим субъектам оно не дает. И, оставаясь таким, какое оно есть, дать не может. Вот в чем проблема, которая со временем начнет осознаваться и массовым сознанием, причем адекватность такого осознания отнюдь не гарантирована. Почему Восточной Европе удалось этой ловушки избежать? Ведь, например, Болгария не была более европейской страной, чем Россия.

И. Г. Яковенко: Здесь можно рассуждать о разнице и в географии, и в особенностях коммунизма 1940-х и 1970-х гг., и о разнице культур. Можно вспомнить и о том, что в России коммунисты пришли к власти сами, а в Болгарию коммунистический режим привезли на советских танках. А это - уже качественное различие. Кроме того, у них не было империи. У нас имперский модуль в голове, а там - частная жизнь. Во всех социалистических странах "забор" был ниже и контактов с Европой больше, и не забудем, что элита Болгарии с момента освобождения страны от османского ига формировалась, опираясь на европейский статус своего государства.

И. М. Клямкин: И у нас была своя частная жизнь. Советская власть создала особый тип человека - частного человека в обществе без частной собственности. Это произошло в послесталинский период. И другого человека здесь не предвидится. В 1990-е гг. его интересы были ущемлены, и результат известен. Нынешний режим опирается именно на частного человека. Вопрос же в том, почему сам режим у нас иной, чем в странах Восточной Европы и Прибалтики? Потому что в России удалось заблокировать трансформацию "частного" человека в "общественного", испытывающего потребность в том, чтобы самому влиять на государственную власть. В том числе и по причине изначальной слабости самой этой потребности.

Но есть и еще один момент, который нельзя не учитывать. Страны Восточной Европы и Прибалтики изначально ориентировались на вхождение в Большую Европу, а та проявила встречную заинтересованность. Впервые в мировой практике, если не считать Японию и Германию после Второй мировой войны, сложилась ситуация, когда цивилизационно продвинутый регион начал тащить за собой и интегрировать в себя другие регионы. Если бы восточноевропейские страны не "вскочили" в Западную Европу, то там, вполне возможно, могли бы состояться авторитарные или националистические рецидивы. Но Европа их "вытащила", они смогли воспользоваться внешним фактором. У России же такого внешнего фактора не было, да и все ее державные амбиции оставались

при ней. Теперь у нее опять проблемы, которые чем-то напоминают прежние, но чем-то и отличаются. И чтобы понять их, нужно отчетливо представлять себе историческую эволюцию собственной страны и общую направленность этой эволюции. Ради этого мы и писали нашу книгу, чтобы понять, откуда и как шли, в какой точке находимся сегодня и каковы возможные перспективы.

Л. И. Блехер: Очень интересно разбирать эти проблемы, если разделить четыре пространства. Условно говоря, это идеология верхов, способ их действия, которые, как показывает история, друг из друга не очень-то вытекают. Программируется одно, а действуют по-другому, по другой логике. То же самое можно сказать об идеологии народа, его представлениях, сознании, а также о его формах жизни, способах жизни. Все эти четыре пространства одно из другого не выводятся, и существуют противоречия между ними.

Я хочу напомнить вам, Игорь Моисеевич, одну нашу беседу двенадцатилетней давности, когда вы впервые, но зато на всю жизнь меня научили, что одно дело - пространство людей, другое - пространство идей. Когда люди, которые занимаются опросами, говорят: в нашем обществе 30% коммунистов, а 60% демократов, или наоборот - это ляп, так говорить нельзя. Правильно говорить, что в определенных условиях, в условиях довольно модельных, опросных, мы получаем 30% ответов коммунистических, а 60% - демократических, или наоборот. Тот же самый человек в другой ситуации может дать ответ из другой области, или даже вести себя, как другой. Нельзя по идеям точно так же говорить о том, как люди устроены. Это я к тому, что когда мы говорим о расколе, надо осознавать, о чем мы говорим - о расколе идейном или о расколе между людьми? Это вопрос риторический. Мы неоднократно замечали такую ситуацию, что люди не последовательны сами себе, своему собственному мировоззрению. Человек может ответить на одни вопросы как традиционалист, на другие - как глобалист, причем суперглобалист.

А. С. Ахиезер: Чем это обусловлено?

Л. И. Блехер: Природой человеческой. Я не знаю, чем это объяснить, я знаю, что есть такой факт. Поэтому не могу сказать, что у нас столько-то традиционалистов, ибо получу от человека на один традиционалистский вопрос ответ "да", а на другой - "нет".

А. С. Ахиезер: Это значит, что культура его расколота, в одной голове уживаются прямо противоположные вещи.

Л. И. Блехер: Тут не так все просто, потому что в случае раскола люди должны сталкиваться с самими собой. То есть это раскол в головах, а не в обществе. Что есть раскол в общественном сознании - чистая правда, но скорее всего, это не раскол в смысле уличных революционных действий.

И. М. Клямкин: Мне кажется, Леонид Иосифович говорит о важных вещах. Я тоже считаю, что социокультурного раскола, который существовал в досоветской России, сегодня не существует. Возможно, он воспроизводится в другой форме, но какова она, мы себе не очень хорошо представляем. Да, социологические данные фиксируют, что в одной и той же голове могут существовать взаимоисключающие представления. Но это как раз свидетельство того, что ценностный раскол, если и существует, то в очень слабо проявленном виде. Именно потому на основании наших знаний о российском обществе и его устроениях было бы неправильно делать выводы о том, что оно к чему-то "не готово". Например, рассуждают, что в России было два эксперимента с либерализмом и оба неудачные - в 1917 и в 1991 г. Они, мол, показали, что страна не готова ни к рынку, ни к демократии. Но разве она когда-то жила в условиях конкурентной рыночной среды и при демократическом правовом государстве? А если и жила, то откуда известно, что она не готова?

Сейчас мы можем только констатировать, что имеем некий квазидемократический режим и что наши люди как-то на него реагируют и как-то к нему адаптируются - опять же не без помощи элиты. Проблема же заключается в том, что общество не научилось распознавать то, что реально происходит на политической сцене. Сейчас оно запутано (отсюда и "раскол в головах!"), но в том, что у него существует фатальная природная

предрасположенность к запутанности, я сомневаюсь. Здесь другое - систематическое сознательное запутывание и оглушение, когда неразвитость понятия об общем интересе и, соответственно, неразвитость современной политической культуры используются для обоснования традиционной монополизации этого интереса и сохранения общества в объектном состоянии.

И. Г. Яковевко: В принципе я согласен со сказанным. Говорят, все дело в том, что надо людям доступно объяснять, что такое демократия, в чем состоят их интересы. Однако это упрощает ситуацию. Ведь мы же понимаем: есть знание, есть понимание, есть освоение на уровне практики и есть принятие уровня ценностей, экзистенциальное приращение. Что такое демократия, сегодня в принципе желающий может прочесть и в популярной форме, и в более научной, но не происходит некоторого сращивания окружающего бытия, его представлений с этими абстрактными вещами. Они ему не явлены как эффективные ни на каком примере, как некая действующая модель. Почему нашу власть так испугала Украина? Потому что Украина - вроде бы родная, и выяснилось, что народ там, оказывается, что-то может. До тех пор, пока хотя бы какого-то локуса, где работает демократическая, правовая практика, не будет (а таким локусом является гражданское общество, правозащитники, другие организации), пока эти модели не станут эффективно работающими для населения, я думаю, процесс с места не сдвинется.

И. М. Клямкин: Действительно, на Украине половина ее населения в 2004 г. заявила: "Ребята, считайте бюллетени правильно". И в отстаивании этого требования проявила впечатляющую солидарность. А на последующих выборах победила "антиоранжевая" оппозиция, и сам факт ее победы стал важным показателем исторической плодотворности "оранжевой революции" - прежним фальсификациям она положила конец. Но дальше хотелось бы отметить интересный момент, который имеет прямое отношение к тому, что я говорил по поводу населения и элиты.

Дальше эта элита, в том числе и "оранжевая", начинает опять править так, как умеет. И выясняется, что даже при полной свободе СМИ не так-то просто заставить ее строить правовое государство. Для этого у населения и на Украине еще навыков нет. В России же ситуация с этим еще хуже. Но и здесь проблема, повторяю, не в том, что население является реальным или потенциальным носителем альтернативы либерально-демократической модернизации, как было в 1917 г., а в том, что оно не ощутило еще себя субъектом модернизаторской альтернативы неотрадиционализму, навязываемому ему в обновленных и достаточно изоциренных формах властвующей элитой.